

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

В А Л Е Р И Й
К О В А Л Ё В

ИЛОВАЙСКИЙ КАПКАН

Русский детектив

Валерий Ковалев
Иловайский капкан

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ковалев В. Н.

Иловый капкан / В. Н. Ковалев — «Центрполиграф»,
2021 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-09515-2

Сашка Шубин, простой парень из Донбасса, не отделял себя от своей страны. Родился в СССР, учился в школе, отслужил в армии... Когда советская Украина стала независимым государством, Александр не особо философствовал: вокруг по-прежнему была его страна и люди общей с ним судьбы... События 2014 года раскололи понятный ему мир, и в глубокую расщелину гражданского противостояния стало стремительно затягивать людей и территории. Александр, которого события на киевской площади Независимости застали командиром столичного спец подразделения МВД «Беркут», поставлен перед сложным выбором. Как военный человек он понимает, что очень скоро бывшие соотечественники, одноклассники и друзья детства сойдутся в кровавом противостоянии за землю, которую каждый считает своей.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09515-2

© Ковалев В. Н., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Николаевич Ковалёв

Иловайский капкан

Роман

*Блажен, кто мир сей посетил
В его минуты роковые!*

Ф. Тютчев

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© В. Н. Ковалёв, 2021

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2021

© «Центрполиграф», 2021

Пролог

Солнце еще не взошло, но уже были различимы все курганы и далекая, похожая на облако, Саур-Могила с покрытой легким туманом вершиной.

Если подняться на нее, то оттуда видна равнина, такая же волнующая и безграничная, как небо, просматриваются далекие города, поселки и хутора, а за ними – синеющее у кромки горизонта море.

Только здесь понятно, как много видела и знала древняя Могила на своем веку, олицетворяя собой время и пространство.

Она зрела племена скифов и сармат, сходявшихся в ковыльных степях в жарких бра-тоубийственных сечах, греческие когорты и железные римские легионы, пытавшиеся объять необъятное, тьмы и тумены так и не дошедших до «последнего моря» грозных монголов.

Слышала она пальбу запорожских мушкетов и вой ядер турецких пушек, звон шашек красной и белой конницы, рев танковых моторов группы армий «Центр» и праздничный салют Великой Победы, а потом все надолго стихло.

Каждую весну зеленый простор у подножия Могилы алел россыпями полевых маков, летом по нему гуляли серебряные волны ковыля, а осенью и зимой пел песни летящий вдаль ветер. И над всем этим, в мирном небе, величаво парил беркут. Сильная и гордая степная птица. Превыше всего ценящая свободу.

Часть первая На рубеже веков

Глава 1 Дорога к дому

Прощай, не горюй,
Напрасно слез не лей,
Лишь крепче поцелуй,
Когда сойдем мы с кораблей!.. —

бодро орали магнитофоны в разных местах перрона, где шла посадка в омытые майским дождем блестящие вагоны скорого «Мурманск-Москва».

На Кольском шла демобилизация военных, отслуживших свой срок, и в их числе моряков Северного флота. Их черные группы в бескозырках с муаровыми лентами, щегольских бушлатах и широченных клешах виднелись тут и там.

В одной из таких, с золотистыми якорьками «штатов»¹ на рукавах, радостно скалил белые зубы и юморил с проверявшей билеты молодой проводницей смуглый сержант, с гитарой на плече и небольшим чемоданом.

— Приходи к нам в гости, — подмигивал карим глазом. — Сплю тебе песню про любовь.

— Да поднимайся уже, черт! — шутливо огрызалась та. — Обязательно приду, с веником, если начнете куролесить.

— Все будет тип-топ! — рассмеялся кто-то из моряков, и вся компания, исчезнув в проеме двери, бодро зацокала подковками по крашеному металлу пола.

Сержанта звали Сашка Шубин, родом он был из Донбасса и имел сербские корни.

Остальные пять сослуживцев были кто откуда, с необъятных просторов Советского Союза. Все отлично владели стрелковым и прочими видами оружия, знали вождение, топографию и рукопашный бой, могли десантироваться с воздуха и воды в любую точку мира.

В прохладных, пахнущих дальней дорогой купе плацкартного вагона уже шумно располагались группы демобилизованных. Каких тут родов войск, кроме моряков, не было! Ракетчики с аксельбантами на груди, пограничники в зеленых фуражках (один с собакой), танкисты, авиаторы, мотопехотинцы и стройбатовцы. Морпехи расположились в своем купе, сняв бушлаты, поместили всю хурду* на багажные полки и огляделись.

— М-да, — сказал рыжий старший матрос с жетоном «За дальний поход» на форменке. — Не вагон, а Ноев ковчег.

Многие рассмеялись.

Соседями впереди была десантура, а сзади — пограничники со своим «мухтаром», у которого на шее висела медаль, не иначе за службу.

Перед самым отправлением по вагону прошел патруль, старший которого, майор, громко объявил: в Петрозаводске будет второй, для профилактики пьянства и мордобоя.

— Кто подорвет престиж Вооруженных Сил, — сказал он, обзрев «дембельский» вагон, — тот будет снят с поезда и помещен на гарнизонную гауптвахту!

— Гафф! — басовито поддержал его, завивая хвостом, серый друг пограничников.

¹ См. Примечания.

– Ну, тогда счастливого вам пути, – качнул фуражкой начальник патруля и последовал дальше.

От головы состава донесся протяжный гудок, пронесся лязг сцепок, и перрон плавно покатил назад.

– Наконец-то, – оживились дембеля. – Давай, машинист, наяривай!

За окнами поплыли окраины столицы Заполярья, поезд сделал объемную дугу, открылась ширь Кольского залива.

Во многих купе моряки с солдатами опустили окна и, высунувшись наружу, замахали бескозырками, беретами и фуражками.

– Прощай, Флот! Прощай, Армия!

В лица бил ветер. Соленый, влажный, морской.

– Ну что, братишки? – вернул окно в исходное положение коренастый морпех. – Надо отметить такое дело!

– А то! – ответили сразу несколько голосов, и стал накрываться «военно-морской стол». В других купе происходило то же самое.

Многие ребята прибыли на вокзал из дальних гарнизонов полуострова и, как говорят, были с утра «не жрамши». Вскоре в вагоне запахло армейской тушенкой, копченой рыбой и колбасой, выданными на дорогу. Имелось в каждой группе и горячительное. Прихваченный с собой в плоских фляжках спирт-ректификат, а еще купленная во время ожидания в городе продукция ликеро-водочных заводов.

Спустя час настроение поднялось еще выше, в разных концах вагона грохал веселый смех – началось единение родов войск и многие группы перемешались. Двое морпехов оказались у соседей – десантников, с теми их едилило небо, а два пограничника с братом меньшим (того звали Джек, и был он с теленка), прихватив с собой бутылку «Агдама», переместились на их место.

– Тебя чё, наградили им? – угостив овчарку бутербродом с паштетом, спросил Сашка у рябого ефрейтора.

– Не, – принял тот наполненный стакан. – Мы вместе призывались. Это мой напарник.

– Значит, он, как и мы, дембель?! – восхитились моряки.

– Р-р-р, – наморщил нос Джек, а ефрейтор рявкнул «за боевое содружество!», и все сдвинули стаканы.

К этому времени Марина – так звали проводницу – шустро разносила чай. Ей помогали два военных доброхота – авиатор с танкистом. Девушку наперебой просили «на минутку присесть» во всех без исключения купе, подводники угощали шоколадом, но та отказывалась, говоря «потом-потом, мальчики». Получили от ворот поворот и морпехи.

Когда Марина и один из ее подсобных брякнули на их столик шесть подстаканников с горячим чаем, Сашка, как и обещал, пригласил девушку на песню.

– Соглашайся, сестренка! – поддержали его друзья. – Он, черт, хорошо поет, даже африканкам нравилось!

– Приходи вечером в служебное купе, – улыбнулась девушка. – Споешь, а заодно расскажешь про африканок.

– Да, повезло тебе, брат, – плясая вместе с другими на удаляющиеся стройные ножки, шмыгнул носом старший брат Джека.

– Ну дак! – тряхнул вороным чубом Сашка, потянув сверху гитару.

Кольский полуостров торчит из-под воды,
Корявые березки цепляются за сопки!
Гитара надрывается, звеня на все лады,
Что Кольский полуостров не для робких!.. —

полетела по вагону переиначенная на все лады лихая песня. Она будоражила, брала за душу и выжимала слезы гордости.

Домой, на родину, возвращались не вчерашние пацаны, а отслужившие по два-три года крепкие и уверенные в себе мужчины.

Во втором часу ночи, когда, сморенные первыми впечатлениями от «гражданки», уснули самые стойкие, Сашка прихватил гитару, сунул в рукав форменки бутылку портвейна и тенью заскользил к служебному купе.

Тук-тук-тук – постучал костяшками пальцев в наглухо задвинутую дверь с табличкой.

– Мариша?

– Открыто, – глухо ответили изнутри.

Он откатил ее в сторону. В приглушенном свете на диване сидела бабуля типа «божий одуванчик» и чего-то вязала, приспустив на нос очки.

– А где Маринка? – выпучил глаза Сашка.

– Я за нее. Чего, сынок, надо?

– Да так, ничего, – вздохнул гость, накатил дверь обратно и почапал назад несолоно хлебавши.

На вторые сутки военных в вагонах стало меньше, на их места садились гражданские.

В Москве, на Ленинградском вокзале, Сашка распрощался с последними из своей «шестерки» и направился к метро, рядом с которым прохаживался наряд милиции.

У старшего поинтересовался, как добраться до аэровокзала, спустился эскалатором под землю. Метро впечатляло красотой, массами народа и небывалым ритмом жизни.

Стиснутый со всех сторон, чуть обалдевший Сашка вышел на станции «Аэропорт», откуда троллейбусом добрался до аэровокзала, взял билет на ближайший рейс «Москва-Луганск» и перекусил в кафе бутербродом с колбасой, запивая кофе.

А поскольку времени до отлета у него было «воз и маленькая тележка», решил прошвырнуться по столице.

В Москве он никогда не был, хотелось взглянуть на Кремль с Красной площадью, а если повезет, то и побывать в Мавзолее.

Сдав чемодан с гитарой и бушлат в камеру хранения, морпех снова воспользовался услугами метро, домчавшего его до станции «Площадь революции». Восхищенно обозрев шедевр инженерии и пластики, Сашка с восторгом обнаружил у одного из пилонов увековеченного в бронзе матроса.

– Здорово, браток! – остановился рядом. А затем пощупал отполированный многими руками ствол его нагана.

Определившись с выходом, гость столицы вознесся наверх и через десять минут с трепетным чувством (сказались политзанятия) ступил на гранит брусчатки Главной площади Страны Советов.

Она оказалась меньше, чем казалось по документальным лентам, которые видел, но все остальное впечатляло.

Зубчатые стены древнего Кремля, Мавзолей с застывшими у входа часовыми и уходящие в небо увенчанные рубиновыми звездами Спасская и Никольская башни.

Народу на площади было немного – школьники да несколько групп туристов, а вот к Мавзолею тянулась очередь.

– М-да, – подойдя ближе, нахмурился Сашка. – Хрен попадешь к «дедушке». Тут рыл двести будет.

В это время его кто-то тронул сзади за локоть.

Обернувшись, увидел стоящего рядом мужчину средних лет, в сером костюме с галстуком, который с интересом его оглядел и довольно хмыкнул.

– Понравился? – спросил Сашка с иронией.

– Еще бы. Я когда-то служил в ВДВ, богато у тебя прыжков, сержант, – кивнул тот на форменку, где в числе других красовался жетон «Парашютист» с цифрой «15» на подвеске.

– Ясно, – понял его интерес морпех. – У нас, в десантно-штурмовом, у ребят было и побольше.

– В отпуск или запас?

– На дембель. Еду через Москву, хотел посетить Мавзолей, да, видно, не судьба. Народу много.

– Это не беда, – чуть улыбнулся незнакомец. – Щас решим. – И сделал знак прохаживающемуся вдоль очереди милиционеру капитану.

– Слушаю, товарищ майор, – подойдя, тихо сказал тот и покосился на Шубина, – нарушает?

– Наоборот, отдав стране воинский долг, возвращается домой и желает видеть Ильича. Проводи в начало очереди.

– Есть, – ответил капитан. И Сашке: – Пройдемте.

– Спасибо, товарищ майор, – поблагодарил тот незнакомца и поспешил за капитаном вперед. К революционной святыне.

«Интересный дядька», – промелькнуло в голове Шубина.

Они подошли к началу очереди.

– Прошу задержаться, – протянул руку капитан перед третьей от входа тройкой. А потом Шубину: – Пожалуйста.

Сашка монолитно стал впереди, подумав про себя «вот это пруха», и сделал приличествующее месту лицо, выражающее скорбь и отрешенность. Через несколько минут, в числе других, он ступил под гранитный свод, где в небольшом фойе стояли еще два милицмейских стража и один гражданский, шарящие по процессии глазами. Лежащий в стеклянном освещенном приглушенным светом гробу вождь мирового пролетариата был похож на восковую куклу.

«В кино он совсем не такой», – мелькнула в голове мысль. Но Сашка ее тут же отогнал. Впечатляясь.

Миновав постамент с выставленным на обозрение телом, он вышел вслед за хлюпающей носом теткой на свежий воздух и проследовал вдоль Кремлевской стены с многочисленными на ней табличками.

Затем Сашка выяснил, где находится Старый Арбат, доехал туда и послушал песни бардов.

Когда же на столицу опустился вечер, автобус-экспресс помчал его в аэропорт Внуково.

Там морпех прогулялся по громадным залам, в бодром шуме прибывающих и улетающих граждан полюбовался электронной россыпью многочисленных рейсов на громадном табло, а также многочисленными красивыми девицами.

В связи с задержкой рейса посадку объявили в три ночи, сонные пассажиры погрузились в ЛиАЗ и стоя доехали до трапа самолета.

Спустя минут пятнадцать, вырулив на бетонку, Ту-154 взлетел, размеренно загудели турбины.

– Так-то лучше, – бормотнул сержант, посасывая взлетную карамельку.

Проснулся он от похлопывания по плечу и нежного девичьего «просыпайся, морячок».

Салон был пуст, в него вливалась утренняя прохлада, рядом стояла бортпроводница.

– Подъем! – открыл глаза Сашка, разом вскочил, чмокнул девушку в щеку (та рассмеялась) и, шмякнув на голову бескозырку, направился по ковру в сторону открытого люка.

Спустившись вниз по трапу и оказавшись на твердой земле, моряк, разведя руки в стороны, заорал:

– Здравствуй, Донбасс! Я вернулся!

Глава 2

Это было под Ровно

– Вставай, хлопче, – послышалось сквозь сон, и Васыль перевернулся на бок.

Рядом стоял дед Андрий и, поглаживая вислые усы, смотрел на внука выпцветшими глазами.

– Сниданок на столи. Одягайся.

Васыль Деркач, студент исторического факультета Львовского университета, приехал к деду в Ровно на каникулы, и они собирались съездить в лес за грибами.

После нехитрого завтрака со двора крытой железом добротной хаты с яблоневым садом вокруг и обширным, в пятнадцать соток, огородом, тихо поуркивая мотором, выкатился «Днепр» и порулил вдоль улицы. За рулем в брезентовом плаще сидел дед, а в люльке Васыль в свитере, сонно зевая.

Старшему Деркачу было за шестьдесят, но он был еще крепок и ворочал за двоих.

Родители Васыля давно жили в старом добром Львове, относя себя к местной интеллигенции (отец имел зубоврачебную практику, а мать работала в торговле). Дед же, схоронив бабку, к ним переезжать отказывался и жил один там, где родился.

Через год после присоединения Западной Украины к СССР, тогда еще молодой парубок, он был призван в армию, однако с началом войны дезертировал, вернулся в родные края и, вступив в УПА*, предложил немцам свои услуги. До 44-го в ее составе грабил и угонял в Германию местное население, принимал участие в карательных операциях. Когда же его хозяев погнали до Берлина, ушел с недобитыми бандеровцами в лес, откуда делал налеты на «коммуны», и при одном таком попал в засаду НКВД.

Почти всю банду чекисты порубили в капусту, а оставшиеся в живых Андрий и еще несколько получили по двадцать лет колымских лагерей, откуда вышли в 1953-м по амнистии. Устроившись грузчиком на мукомольный завод, Деркач впрягся в хозяйство. Для начала чуть подправил старую батькову (та почти завалилась) хату, а потом стал выращивать на продажу кабанов, откармливая их высеvkами*, которые по ночам таскал с работы. Вскоре Андрий женился на разбитной вдове с села Грушки, и та стала «курить» самогон, обзаведясь многочисленной клиентурой. Через два года на месте убогой мазанки супруги возвели каменный дом с мурованным подвалом, заложили сад и расширили огород, дающий для базара всяческий овощ.

Когда же в колыске* запищал наследник, Андрий окрестил его в костеле и дал там слово вывести в люди, что с успехом и проделал.

По окончании школы за хабар* пристроил его в медицинский институт, после которого молодой Деркач стал врачом-стоматологом. Гроши получал не абы какие, но имел солидный приработок, ставя нужным людям коронки и мосты из драгметалла. Два золотых дуката для почину подарил ему батько. Он же помог с деньгами на кооперативную квартиру в областном центре, где наследник нашел достойную подругу жизни. Теперь вот вырос внук, который трепетно любил дедуся.

После его рождения, устраивая свою городскую жизнь, сын с невесткой часто определяли Васылька до батькив у Ровно, где бабка Мирослава рассказывала хлопчику сказки о ведьмах и вурдалаках, а дед о героях Украины – Мазепе, Кармелюке и Олексе Довбуше. От него маленький Васылька впервые услышал слово «москалей», с которыми и бились эти самые герои. Внук подрос, стал ходить в школу и приезжать к старикам на каникулы, где дед Андрий продолжил свое воспитание.

Ко времени поступления в университет Васыль люто ненавидел «москалей», знал, что они упекли деда в Сибирь, как когда-то Кармелюка, и считал его для себя примером. В стенах

же родной альма-матер посеянное в душе внука старым бандеровцем семя пустило корни в благодатную почву.

Носящий имя Ивана Франко старейший университет Украины к тому времени имел ряд достойных выпускников. В их числе были Андрей Бандера – ярый националист и отец идеолога украинского фашизма, Евгений Коновалец – создатель ОУН-УПА* и много других, не столь известных, ставших впоследствии антисоветчиками, диссидентами или сбежавших на Запад. Окончательно дедовские «лекции» подкрепились у Василя участием в националистической организации «Рух», официально созданной к тому времени в республике.

Когда внук рассказал деду о своем членстве в организации, старый Деркач перекрестился на икону и, сказав «прыйшов наш час!», пожелал научить его практике. А для того поведал свое героическое прошлое, от которого у будущего журналиста захватило дух. Так было интересно. Василь узнал о боевых группах УПА, формах и методах их деятельности, способах тайной связи и работы с населением, а также ряде операций.

И вот теперь, на очередных каникулах, внук вместе с дедом ехал учиться владеть оружием, которое у старика было припрятано в схроне.

Оставив позади Ровно, мотоцикл выехал на дорогу к Дубровице и прибавил скорости. На полпути он свернул в обширный, теряющийся за горизонтом лесной массив, на отдельных холмах которого виднелись руины старых, времен княжества Литовского замков, съехал в долину, по дну которой прыгала по камням неширокая речка, и покатиł вдоль берега.

– Ось тут и станэмо, – подрулил старый Деркач к группе раскидистых берез у глинистой осыпи и заглушил двигатель. В тишине слышались шум воды и стук дятла в глубине леса.

– Красивые тут места! – сойдя на траву, оглядел ландшафт внук. – Былинные.

– Эгэ ж, – ответил дед, извлекая из багажника вещмешок. – Колысь усэ цэ, – обвел вокруг рукою, – налэжало пану Потоцькому.

– Великий был князь, – с чувством изрек Василь. – Не раз дрался с московитами.

– А тэпэр наш черед, – передал внуку рюкзак дед. – Ходимо зи мною.

Спустя час, идя по известным лишь старшему Деркачу приметам, оба оказались на поросшей соснами возвышенности с остатками крепостной стены и полуразрушенной башней. Чуть пригнувшись, старик вошел в затянутый диким хмелем пролом, где включил фонарик. Луч света выхватил из мрака груды битых камней, а за ней мрачный ход каземата. Осторожно ступая, оба спустились по остаткам ступеней вниз, и Андрий ткнул пальцем в один из его углов:

– Копай, Васылку.

– Понял.

Внук извлек из рюкзака складную лопатку, прошел туда, присел и отгреб из-под ног слой песка, под которым оказалась потемневшая от времени дубовая ляда. Схватившись за ржавое кольцо, он потянул вверх – открылся темный зев, откуда потянуло затхлостью. Оба поочередно исчезли в нем, а потом дед, пошарив у лестницы, зажег спичкой стоящую рядом плошку. Тусклый огонек выхватил из тьмы подобие склада. У одной из боковых стен зеленели несколько плоских ящиков, у другой стояли две железные бочки, проштампованные имперскими орлами, рядом – почти сгнившие мешки с россыпью толовых шашек. В торце высился деревянный стеллаж с многочисленными жестяными коробками.

– Цэ у нас був пункт боепитання, – глухо сказал дед, распахивая крышку одного из ящиков.

Там, в ячейках, матово отсвечивали винтовки.

– Останний раз я тут був у прошлому годи, – взял одну в руки дед, ловко передернул затвор. – Уси готови до бою.

– И сколько тут? – опасливо принял от него оружие внук.

– Сорок. На стэлажи цинки з патронами.

– А в мешках что? Мыло? – положил Василь на место винтовку.

– Кхе-кхе-кхе, – хрипло рассмеялся ветеран ОУН. – То выбухивка*, хлопчэ. А у бочках газолин, то есть горючее.

Старый Деркач прошел к неприметной нише, достав оттуда промасленный сверток. Развернул – в нем лежал пистолет с двумя запасными обоймами.

– «Парабел», – продемонстрировал Васылю. – Гэрманський. Спочатку навчу тэбэ стрілять з нього, а потім з гвинтівки.

– А тут есть где?

– Нэ тут, – запихал в карман пистолет с обоймами дед. – Для цього у мэнэ є місцэ.

Закрыв ящик и погасив плошку, они поднялись наверх, опустив, замаскировали люк и вышли на дневной свет.

– А зараз пидэмо он туды, – указал дед рукою в сторону едва доносившегося шума.

Пройдя меж красноватых стволов сосен, направились через кусты шиповника в сторону реки. За ближайшим поворотом с высокого отрога в нее скакал бурный поток, нарушая тишину и искрясь радугой.

– Ось тут! – прокричал на ухо внуку дед. – Давай отойдэмо у сторону!

Стороной оказался заросший ельником буерак, упирающийся в рыжую стену из глея*. Деркач снял плащ, вынул из кармана пистолет и попросил Васыля установить под стеной куски раскрошившегося пласта – вместо целей.

– Готово! – рысцей вернулся через несколько минут студент. – До них метров двадцать.

– А тэпэр дывысь, – подобрался Андрий и вскинул руку.

Один за другим грохнули три выстрела, все куски разлетелись в пыль. Словно и не было.

– Вот это да! – восхитился Васыль. – Метко стреляешь!

– Практика була богата, – разгладил усы старик. – А зараз ты, – передал внуку оружие.

Тот, дрожа стволом, выпалил по оставшимся целям пять раз – в результате промазал.

– Ну а тэпэр будэмо вчиться, – поморщился старик и, кряхтя, уселся на сложенный плащ. – Дай сюды зброю.

Для начала он поведал ученику боевые характеристики пистолета, показал, как его заряжать и целиться. Снова перешли к практике, и, расстреляв вторую обойму, молодой Деркач наконец-то попал в мишень, что вызвало его бурную радость. Андрий подошел к старой груше-дичке, росшей неподалеку, и спрятал пистолет в дупло.

– Ну а зараз собэрэмо грыбив на юшку, а то сусиды спытають, дэ булы, – хитро прищурился дед, – поснидаємо шо Исус послав, то поидымо до дому, до хаты.

На обратном пути дед с внуком набрали рюкзак во множестве росших в этих местах пэчэрыць, маслят и летних опят, а когда солнце повисло в зените, вышли к мотоциклу. На извлеченный из багажника брезент поместилась корзинка с провизией, где были паляныца, брус копченого сала, молодые огирки с пучком цыбули и фляжка сливянки.

– Ну, будьмо! – подождав, пока Васыль нарежет паляныцю с салом, поднял фляжку дед Андрий и забулькал горлом.

Прикончив все, они подремали на зеленой травке, а ближе к вечеру «Днепр» тронулся в обратный путь, до хаты.

Вопрос о вступлении дида Андрия в «ряды» был решен с выездом во Львов в течение недели, и в Ровно появилась очередная боевая ячейка УНА-УНСО*, которую он возглавил. Теперь в лес «за грибами» по субботам, прихватывая воскресенье, наведывалась целая группа. Учеба велась в режиме строгой секретности. В укромном месте, на подходе к «тиру», выставлялась бдительная охрана с биноклем, которая постоянно менялась. Кроме стрельбы, провиднык учил молодят изготавливать из подручных средств «коктейль Молотова», а также основам взрывного дела, а еще способам конспирации и тайной связи. По вечерам, когда на леса опускался вечер, компания «грибников» разжигала костер у машины, варила в казане галушки с

салом и слушала рассказы Деркача про славные бандеровские походы. Юные глаза светились отвагой, в них отражалось будущее, которое было не за горами.

Глава 3

Солдаты удачи

– Хайя 'аля-ссалят!* – пропел заоблачный голос муэдзина в старой части Кабула.

Джек Блад разлепил глаза и хрипло выругался.

После вчерашней попойки с приятелями ужасно болела голова, и хотелось пристрелить служителя культа. Сглотнув клейкую слюну, Джек нашарил рукой стоящую на полу бутылку джина, сделал из нее пару глотков, поморщился и прислушался к организму. Через несколько минут тот пришел в тонус, Блад, громко рыгнув, встал с постели. На трех других дрыхли его соседи. Сунув ноги в тапки, он проследовал в ванную, встал под колющий душ. После растерся полотенцем, сунул в розетку «филипс», чисто выбрил лицо и освежил его лосьоном.

В прошлом выпускник академии Вест-Пойнт и лейтенант армии США, Джек Адамс Блад работал в частной военной компании Triple Canopy, охраняющей американское посольство в столице Афганистана, а также его очередного президента Раббани.

После окончания академии Блад успешно начал службу, приняв участие в войне в Панаме, а затем в Персидском заливе, за что получил медаль от конгресса. Но, находясь в отпуске в родном штате Канзас, изнасиловал в ночном клубе местную красотку, что поставило крест на его военной карьере.

За решетку, благодаря заслугам и заступничеству отца – мэра города, где он родился, Джек не попал, однако с армией пришлось расстаться. А поскольку кроме как стрелять и командовать взводом он больше ничего не умел, теперь уже бывший первый лейтенант* подался в «солдаты удачи». И вот теперь Джек в числе еще трех десятков таких же отставных военных трудился на Triple Canopy, о чем не жалел. Работа была не пыльная и хорошо оплачивалась.

В прошлом полевой командир моджахедов, владелец изрядного состояния и торговец опиумом, четвертый президент Афганистана весьма заботился о своей безопасности и, не доверяя соплеменникам, препоручил ее иностранным наемникам. Этим утром часть из них, в составе Блада и его соседей по номеру в гостинице при президентских апартаментах, должны были сопровождать Раббани в неофициальной поездке на юг страны, в провинцию Гильменд. Там у того была назначена встреча с одним из влиятельных полевых командиров, старым другом и соратником. Точнее, это была не поездка, а перелет. В стране продолжалась война, и по дорогам даже президентскому кортежу ездить было опасно.

– Эй вы, поднимайте свои толстые задницы! – вернувшись в номер, принялся одеваться Блад. – Нас ждут великие дела и свершения!

В ответ послышалась недовольная ругань с бурчанием, и наемники быстро воспряли от сна, занявшись своим туалетом. Минут через десять в пятнистой униформе без знаков различия и с шевронами компании на груди все сидели за столом в смежном отсеке – кухне, подкрепляясь сэндвичами и горячим кофе.

Прошлое у них было примерно одинаковое. Отставной лейтенант Пирсон, в прошлом десантник, был уволен из армии за гомосексуализм; сержант Родригес, в бытность «морской котик» – за торговлю марихуаной; а последний и самый старый – майор Залесски отличился больше всех. Он был садистом и истязал пленных в Пакистане, где раньше служил военным инструктором.

Позавтракав, «солдаты удачи» закурили и, забросив ноги на стол, расслабились. Запищала лежавшая на столе мобильная рация, Залесски приложил ее к уху.

– Слушаюсь, босс, – пробубнил в микрофон и бросил парням: – На выход!

Те отворили створки встроеного в стену шкафа, облачились в бронежилеты с касками и, прихватив с крючков висящие там карабины М-4, пружиня берцами, вышли наружу, все чет-

веро поднялись на крышу одного из дворцовых зданий, оборудованного вертолетной площадкой. Там стоял «Ирокез» американских ВВС, из кабины которого весело скалились пилоты.

– Хелло, парни! – поприветствовали их «солдаты удачи».

– Хелло! – ответили те, чавкая жвачкой.

Появился Сам, в шелковом одеянии, сопровождаемый двумя личными охранниками, и наемники изобразили строевую стойку. Величаво кивнув черным тюрбаном, президент первым шагнул в машину. За ним погрузились остальные, и стальная птица понеслась над столицей, в сторону синеющих вдали гор, затянутых легкой дымкой.

Приземлился вертолет спустя час у большого кишлака близ реки, окруженного полями опийного мака, зеленеющего в долинах. Навстречу уже пылил джип в сопровождении бронетранспортера, на котором сидели несколько вооруженных моджахедов в пакулях* и длинных рубахах.

– Ассалам алейкум! – низко кланяясь, выскочил из автомобиля и засеменял к вертолету питанный бородатый крепыш, в чалме и расшитой золотом безрукавке.

– Ва алейкум салам! – сделал ему шаг навстречу высокий гость, и хозяин облобызал ему руки.

Они заговорили о чем-то на фарси – первый назидательно, а второй подобострастно, охрана же обменялась подозрительными взглядами. Правоверные не любили кафиров*.

Погрузившись в автотранспорт (президент был препровожден в джип, а охрана на броню), кавалькада тронулась обратно. Миновав окраину кишлака с арыками и уходящими в небо тополями, она направилась к центру и въехала в широко открытые ворота обширной усадьбы. Та была обнесена дувалом, с вышкой в одном из углов, на которой расхаживал часовый, и имела по внутреннему периметру несколько строений.

Машины остановились, президент был приглашен хозяином в одно из них, возведенное из камня и с претензией на архитектуру, а «солдат удачи», похожий на муллу старик расположил на открытой террасе другого.

– Располагайтесь, парни! – первым снял с головы каску Залесски и, положив рядом карабин, скрестив ноги, уселся на персидский ковер с несколькими лежащими на нем подушками.

Остальные проделали то же самое и с интересом стали оглядывать усадьбу. По площади она составляла акр и, судя по виду, была зажиточной. Между тем, по знаку муллы, на террасе появились два подростка в тюбетейках, расстелили перед гостями цветастый дастархан и быстро его накрыли. Принесли горячую баранину «шиш-кебаб» на шампурах, исходящий паром душистый плов с фисташками, белые лепешки, дыни с виноградом, а также чай в двух больших фаянсовых чайниках.

– Шам хорди? – певуче спросил у наемников старик (те недоуменно переглянулись), а потом сказал: – Лотфан, – и сделал приглашающий жест рукою.

– О'кей! – поняли американцы, разобрали шампуры, заработали челюстями. Изрядно подкрепившись, они тянули из пиал зеленый чай и лениво переговаривались, когда на пороге главного дома появились Раббани с телохранителями и хозяин, прокричавший что-то в сторону джипа. Тот покати к ним, наемники с готовностью встали, поправляя амуницию, но президент отрицательно покачал головой, приказывая им остаться.

– Нам же лучше, – ухмыльнулся Залесски, провожая взглядом отъезжающую машину. – Расслабьтесь, парни.

После трапезы все четверо задымили сигаретами, предложив одну сидевшему напротив мулле, но тот вежливо отказался на английском, что вызвало естественное удивление.

– Ты знаешь наш язык, старик? – выпучил глаза Пирсон.

– Знаю, – последовал ответ. – А еще французский и русский.

– Откуда?

– В молодости много путешествовал и тянулся к знаниям.

– Был в нашей стране? – поинтересовался Родригес.

– Да, там я закончил два курса Стенфорда.

– А откуда знаешь русский?

– С шурави* воевал, – огладил бороду мулла. – Когда наш президент был полевым командиром.

– Ну и какие они солдаты?

– Лучше ваших, – блеснули щелки глаз. – Американцы убивают издалека, прячась от противника в укрытиях.

– Полегче, старик, – пробурчал Залесски. – Можешь нарваться на неприятность.

– Я хочу вам показать одного, – перебирая янтарь четок в руке, невозмутимо предложил мулла. – Если пожелаете.

– А почему нет? – переглянулись наемники, соглашаясь.

– В таком случае идите за мной, – поднялся на ноги старик, и все спустились с террасы.

В дальней части двора группа остановилась перед глухой дверью, мулла отодвинул засов, и все оказались во втором, менее обширном дворе, но с еще более высокими стенами.

У одной из них, за оградой из жердей, меланхолично жевали жвачку овцы, у другой высился глиняный тандыр, где две женщины в паранджах пекли хлеб, отойдя при приближении чужеземцев в сторону. Мулла, покосившись на них, прошел в конец двора (гости за ним) и ступил на мощенную кирпичом площадку, в центре которой виднелась железная решетка. На ее петлях висел замок, сбоку стояла прислоненная к стене лестница.

– Поглядите вниз, – предложил старик. – Вам будет интересно.

Гости обступили люк и наклонились. В лившихся сверху лучах солнца, рассеивающих полумрак, на дне бетонного колодца сидел мужчина с перевязанной тряпкой головой и в лохмотьях полевой формы.

При звуках голоса муллы он поднял давно небритое лицо, злобно блеснув глазами.

– Этот кафир советский капитан, – сказал старик, – захвачен нами в бою, когда шурави выводили свои войска из Афганистана. Его и еще троих таких же мы использовали для работы на полях в качестве сборщиков мака. Но три дня назад шурави сбежали, убив двух надсмотрщиков и захватив оружие. Всех друзей неверного, – кивнул на капитана, – мы отправили к аллаху, его же снова пленили.

– И что теперь с русским будет? – разглядывая пленника, спросил Блад, а Родригес с Пирсоном выжидательно уставились на рассказчика.

– Как храброму воину, мы предложили ему принять ислам. Он отказался, за что завтра будет забит камнями.

– Я бы с удовольствием на это взглянул, – растянул в улыбке губы Залесски. – Не люблю раша.

Спустя еще пару часов президент с хозяином вернулись, и гости отбыли на вертолете в Кабул, тихо и без приключений.

А когда после ужина все четверо, прихлебывая пиво из банок, сражались в номере в покер, Блад поинтересовался у Залесски, за что тот не любит русских.

– Они бешеные звери, – отложил карты в сторону майор. – Расскажу вам одну историю. В середине восьмидесятых я был в группе военных инструкторов в Пакистане, где под Пешаваром, в кишлаке Бадабер, мы готовили боевиков-моджахедов для заброски в Афганистан. Там же, помимо учебного центра с полигоном, казармами и складами оружия, находился лагерь, где вместе с пленными афганцами содержались и русские, полтора десятка человек из так называемого ограниченного контингента.

В основном офицеры и сержанты. С последними мы плотно работали, пытаясь обратить в ислам и заставить воевать на стороне талибов. Но в один из вечеров, когда охрана лагеря на плацу, совершая намаз, молилась Аллаху, они бесшумно сняли часовых, освободили аскеров*

и, захватив склад с оружием, а к нему артиллерийскую установку, попытались прорваться в горы. На место прибыл нынешний президент, тогда он был одним из командующих у моджахедов, и восставшим предложили сдаться. В ответ те потребовали связи с советским посольством, а когда получили отказ, продолжили бой. Он шел двое суток, пока не применили тяжелую артиллерию. Пленных не было.

– Коммунистические фанатики, – выслушав рассказ, перетасовал карты Пирсон.

– У нас таких сволочей полно на Кубе, – протянул к нему руку Родригес.

– Да, интересно было бы с ними повоевать, – заявил Блад, включая пультом телевизор.

На следующий день вся четверка выехала в одну из афганских воинских частей, располагавшуюся в пригороде Кабула. Ко времени описываемых событий падение режима Наджибуллы* и новый виток гражданской войны привели к развалу афганской регулярной армии. Оставшиеся от нее вооружение и техника были разделены между противоборствующими сторонами – Северным альянсом Массуда и Дустума и отрядами талибов и Исламской партии Афганистана. Именно в это время Раббани со товарищи начал формировать национальную армию. И в этом немалая роль отводилась военным из Пентагона. А поскольку таковых не всегда хватало (Дядя Сэм* активно внедрял «демократию» в ряде других стран), к делу привлекались специалисты частных военных компаний, в том числе и парни из Triple Canopy, за дополнительную плату. Не ограничиваясь охраной Раббани и своих дипломатов, они активно готовили из моджахедов новых солдат.

И вот теперь, в полной военной экипировке, словно пришельцы из другого мира, наемники рулили по кабульским улицам на бронированном «хаммере» лихо и целеустремленно, как следует героям. Миновав центральную часть города, с ее разноголосьем шума базаров, улиц, криков ослов с верблюдами, они выехали на окраину, миновав американский блокпост, и запрыгали по рытвинам проложенной еще советскими спецназом дороги. По обеим ее сторонам тянулся безрадостный пейзаж, состоявший из такыров, песка и сухого саксаула, у горизонта синели хребты Гиндукуша.

Километров через пять автомобиль въехал в ворота воинской части, у которых бдили службу местные аскеры, и оказался на ее территории. Она была обширной – с плацем, на котором маршировала рота солдат, стоящим в центре штабом, увенчанным трехцветным флагом, десятком сборных казарм и парком бронетехники.

Остановив «хаммер» у штабной стоянки, где находились еще несколько автомобилей, инструкторы вышли из него, поднялись по ступеням к двери (часовые у нее взяли на караул) и исчезли внутри.

Получив в штабе от военного советника майора Хершбоу план проведения очередных занятий, а заодно угостившись шотландским виски, они откозыряли хозяину и отправились в казармы.

Бладу предстояло занятие с взводом аскеров по огневой подготовке.

Десять минут спустя военный грузовик с тентом доставил всех на стрельбище неподалеку от части. Вышедший из кабины Джек через переводчика скомандовал «всем вниз!», и солдаты выстроились у машины. Неспешно пройдя вдоль строя, лейтенант критически оглядел их, харкнул на горячий песок и прорычал: «Первое отделение на линию огня!» После перевода команды отделение застучало каблуками. Все девять, закладывая затворами винтовок, изготовились к стрельбе лежа. «Огонь!» М-16 задробили короткими очередями. После осмотра мишеней (Блад удовлетворенно хмыкнул) место первого отделения заняло второе.

Когда первая часть занятий была закончена, Блад провел с взводом краткий разбор и перешел ко второй. Стрельбе из гранатомета. Теорию его подопечные уже знали, перешли к практике. Для начала первый лейтенант извлек из притащенного солдатами из кузова ящика одноразовый М-72, вышел вперед и, приведя его в боевое положение, грохнул с колена по

сожженному советскому бэтэру, стоявшему чуть в стороне от других мишеней. Пульсирующий сгусток огня ударил точно в борт, что вызвало оживление аскеров.

– Теперь ты, – отбросив в сторону трубу, кивнул Джек афганскому лейтенанту.

– Хоп мали*, – приложил руку к груди офицер, наклоняясь к ящику.

Этот выстрел тоже оказался удачным. Блад приказал проводить занятия афганцу, а сам уселся в тень и предался мечтам о скором отпуске. Из них Джека вывел выстрел, сопровождавшийся диким криком. На позиции в конвульсиях бился аскер, заливая песок кровью.

Блад зло выругался, встал и направился к месту происшествия.

Голова солдата представляла собой сплошной бифштекс: ее поджарило реактивной струей.

– Я же учил вас безопасности при стрельбе! – заорал инструктор на лейтенанта.

Тот только бессмысленно пучил глаза да что-то бормотал посеревшими губами.

– Убрать! – рявкнул переводчику Джек. – Тренировка закончена!

Когда взвод ехал назад, американец был зол и мрачен. Пуштуна ему было не жаль. А вот доллары, которые непременно вычтут из зарплаты, – очень.

Когда белесый шар солнца завершал свой дневной путь, а с гор на пустыню повеяло прохладой, освежившиеся в душе и отужинавшие в части наемники возвращались в Кабул с чувством выполненного долга.

Глава 4

На осколках империи зла

– Давай! – махнул рукой из-за каштана на другой стороне улицы старший группы.

Сашка, прижимаясь к стене дома, чиркнул запалом по коробке, метнул в брызнувшее стеклом окно второго этажа дымовую шашку и затаился. На третьей секунде изнутри повалил густой дым, оттуда хлопнули два выстрела, а потом, кашляя и чихая, вниз спрыгнул бритоголовый амбал, тут же получивший удар прикладом автомата по затылку.

– Сдаемся! – заорал из окна второй, выкинув на тротуар обрез, и группа захвата вломилась в квартиру.

Троих скованных наручниками братков на глазах собравшихся у дома зевак погрузили в микроавтобус, и тот покатыл в областное УВД, к ждавшим там начальнику ОБОП* и прокурору.

– Молодец, лейтенант, – дружески толкнул Шубина в плечо сидевший рядом на переднем сиденье руководивший операцией майор. – Качественно работаешь.

– Все, как учили, – пробубнил Сашка сквозь балаклаву*, поправляя на голове шлем с пластиковым забралом.

После его возвращения в родной Стаханов в родительском доме, как водится, собралась близкая родня, поглядеть на бравого морпеха и поднять за него чарку. Несколько дней Сашка покуролесил с друзьями детства, возвратившимися из армии чуть раньше, а через неделю вернулся на шахту «Ильича», старейшую в Донбассе, откуда призывался на службу. До армии, после окончания техникума, он работал здесь горным мастером, теперь продолжил в том же качестве.

Была у парня и зазноба по имени Оксана, к которой он питал чувства еще до службы. Оксана училась в мединституте в Луганске, приезжала на выходные домой, они вместе ходили в кино, на танцы и катались на мотоцикле. Но дальше этого дело не шло, как ухажер ни старался.

Между тем в стране творилось что-то непонятное. В политику бывший сержант особо не вникал, но тревожные изменения он наблюдал собственными глазами. Полки магазинов пустели, цены росли, на предприятиях «Стаханов-угля» начали задерживать зарплату. То же творилось в области и по всему краю.

– Гребаный пятнистый!* – возмущались в нарядных шахтеры и выдвигали требования дирекции.

А поскольку «гвардия труда» была всегда решительной и активной, на стахановских шахтах учинили стачком, и пошло-поехало. На пространствах Союза грянули первые шахтерские забастовки.

Затем на политическом горизонте возник бывший сподвижник Горбачева Ельцин, ставший громить своего патрона с высоких трибун, призывая того к отставке и обещая светлое будущее.

– Так его, суку! – возбуждался у телевизоров рабочий класс, а интеллигенция в Москве выходила на митинги в поддержку небылого революционера.

Бардак меж тем нарастал: случился ГКЧП, на окраинах ширились националистические движения, и пролилась первая кровь, что привело к плачевным результатам.

В декабре 1991-го усилиями Горбачева с Ельциным и при участии их западных друзей Союз Советских Социалистических Республик канул в Лету, а новые «свободные республики», с подачи Ельцина, принялись созидать светлое будущее. Украина получила самое большое наследство, включавшее индустриальный Донбасс, высокоразвитое сельское хозяйство и все-союзную здравницу Крым – жемчужину Черноморья.

Президент Кравчук, один из подписантов Беловежского соглашения, тут же озвучил народу программу великих преобразований: реформа политической системы, приватизация и возрождение страны. Последнее – с душком национализма. В результате гербом «нэзалэжной» стал бандеровский трезуб*, а гимном песня сичевых стрельцов гетьмана Симона Петлюры. У старшего поколения жителей востока страны и в первую очередь у фронтовиков, многие из которых были еще живы, это вызвало волну протеста.

– Немецкие холуи с такими «вилами» на конфедератках стреляли нам в спины при освобождении Львова, – возмутился отец Сашки, увидев атрибут новой власти.

«Как же так? – думал Сашка, продолжая спускаться в забой дышащей на ладан шахты имени вождя мирового пролетариата. – Была страна, и нету».

В один из дней мрачный Сашка шел через парк «Горняк» к ближайшей автобусной остановке. Зарплату не выдавали третий месяц, и прошел слух о закрытии последних двух угольных предприятий объединения. Под ногами шуршали осенние листья, на душе было муторно и тоскливо.

Внезапно за поворотом аллеи он услышал собачий лай, когда же повернул, увидел потасовку.

Трое молодых парней напали на средних лет мужчину, тот отбивался как мог, а к ним, рыча, полз рыжий пекинес.

– Сволочи, – ускорился Сашка и через пару секунд оказался рядом.

Первый из нападавших оглянулся и тут же, получив удар в челюсть, рухнул на асфальт; второго, кинувшегося навстречу с занесенным кастетом, Сашка переброшил через себя, а последний ломанул в кусты, только затрещало. Пока приводил в чувство едва стоящего на ногах мужчину, остальные тоже испарились.

– Вовремя ты, – прохрипела, хлюпая разбитым носом, жертва нападения. – Дай мне Леву, пожалуйста.

Сунув потерпевшему в руки тут же ставшую облизывать тому лицо собачонку, Шубин дотащил их до ближайшей телефонной будки и набрал 03. Вызов приняли.

Через неделю, после утреннего наряда, попросив задержаться, начальник участка сообщил, что его вызывают в прокуратуру.

– Ты там ничего не натворил? – покосился на мастера.

– Да вроде нет.

Когда же после смены он приехал на улицу Коцюбинского, 13, в канцелярии сообщили, что его ждет прокурор, сопроводив в приемную на второй этаж.

Прокурор оказался тем самым мужиком с Левого, которых выручил Сашка. На нем была форма полковника юстиции, а на лбу наклепка из лейкопластыря. Для начала, пригласив гостя сесть, хозяин кабинета высказал ему слова благодарности, а затем спросил, где тот научился так мастерски драться.

– Служил в морской пехоте и немного занимаюсь боксом, – скромно ответил Сашка.

– Звание?

– Сержант запаса.

– А разряд?

– Кандидат в мастера спорта.

– Однако! – высоко вскинул брови прокурор. – И с такими данными в шахте! Слушай, Александр... – пристально взглянул на Шубина. – У меня предложение. Как насчет того, чтобы пойти на службу в органы?

– В смысле?

– Прямо. Я могу составить тебе протекцию в «Беркут».

– А что это за птица? Не слышал о таком.

– Особое подразделение МВД, вроде армейского спецназа. Создано на Украине год назад, с учетом ухудшения криминальной обстановки. Главные задачи – задержание особо опасных преступников и освобождение заложников, обеспечение общественного порядка при возникновении чрезвычайных ситуаций, силовое сопровождение оперативных мероприятий, ну и ряд других, не менее важных, – закончил правоохранитель.

– Понял, – оживился приглашенный. – Круто.

– Служба, Александр, – продолжил прокурор, – сам понимаешь, ответственная и опасная, так что берут туда далеко не всех. Только после армии и по строгому отбору. Но и оплачивается соответственно, плюс возможность учебы в высших профильных учебных заведениях и дальнейший карьерный рост, что немаловажно.

Он замолчал, и в тишине стало слышно, как за окном стучит дождь, мелко и назойливо. На столе затрещал один из телефонов, прокурор снял трубку.

– Ну вот, – послушав, опустил. – В Ирмино разбойное нападение на сберкассу. Надо выезжать на место. Так что подумай над моим предложением. До встречи.

Вернувшись домой, Сашка рассказал о предложении отцу, которого глубоко уважал, и тот посоветовал согласиться.

– Угольной промышленности конец, – сказал он. – Так что иди в спецназ, это то, что ты умеешь.

Спустя три дня, навестив прокурора и дав согласие, бывший морпех был на приеме в областном УВД, у начальника подразделения «Беркут».

– По документам военкомата, ты, Шубин, нам подходишь, – сказал майор, просмотрев лежавшую на столе тонкую папку. – Кстати, по запасу ты теперь младший лейтенант. И прыжков у тебя будь здоров. Опять же боксер-разрядник. Короче, пиши заявление на имя генерала, – извлек из стола и сунул ему лист бумаги с ручкой.

Так Александр Шубин стал бойцом спецподразделения «Беркут». Жизнь покатила дальше, и вскоре он потерял счет выездам на операции, силовую поддержку действий угро и разного рода охранные мероприятия.

– Ну что, бойцы? – пробасил старший группы, когда бандитов доставили в управление и парни освобождались от снаряжения. – Отметим это дело?

– А то! – раздалось в ответ. – За этими отморозками опера гонялись с прошлой зимы.

Сдав дежурство и переодевшись в штатское, группа вышла за КПП, где поймала двух бомбил, отвезших их на рынок. Там вскладчину купили водки, а к ней закуски и отправились в пригород, где у старшего имелась дача на шести сотках.

– Вы пока накрывайте поляну, – сказал майор, когда приехали на место, кивнув на дощатый стол с двумя лавками под грушей. – А я щас принесу грибки и стаканы.

Пока он чем-то гремел в жилище, парни занялись «полевой». Одни стали мыть лук и огурцы с помидорами во дворе у колонки, другие, сорвав по бергамоту, с удовольствием зачавкали, а прапор по фамилии Мороз, достав финку, начал пластать сало с колбасой и хлеб.

– А хотите стих? – довольно ухмыльнулся он, когда хозяин принес из дома граненые стаканы и банку маринованных лисичек собственного приготовления.

– Валяй, – сказал кто-то из парней, водружая на стол первую пару «Луга-Новой»*.

Як романтично пахне ковбаса,
І помідори в банці зашарілись.
А в пляшечці, дбайливо, як роса,
Горілочка холодна причаїлась! —

прочувствованно начал Мороз, привлекая к себе внимание честной компании.

– Пушкин ты наш, – умилился майор, – а ну, давай дальше.

...І сало ніжно зваблює тільцем,
І хліб наставив загорілу спину,
Якщо ти млієш слухаючі це...
Чому ж ти, б... не любиш Україну?! —

взмахнув ножом, закончил пиит, и все дружно заржали.

– Сам придумал? Здорово!

– Не, – помотал прапор головой. – Автор не известен.

– Ну, тогда к столу, – сделал радушный знак хозяин.

Сидели до первых звезд, а потом разъехались. Женатые по квартирам, у кого были, остальные в общежитие.

На следующее утро у Сашки был выходной, что радовало. Их давали не так часто. Он встал пораньше, когда соседи по комнате еще дрыхли, принял холодный душ и спустя полчаса вышел во двор общежития в мотоциклетном шлеме, джинсовом костюме и с туго набитой спортивной сумкой.

Там были продукты для родителей, купленные накануне, а также подарок Оксане. После окончания института она вернулась в Стаханов и работала врачом в больнице.

У гаражного блока, отсвечивая рубином, стояла его «Ява». Шубин завел мотор и тронулся к будке КПП. Сонный дежурный поднял изнутри шлагбаум, Сашка приветственно махнул рукой и вырулил на еще пустынные, мигающие светофорами улицы. Через десять минут он достиг квартала Гаевого, выехал на трассу, и в лицо ударил ветер. Трасса, по которой неслась «Ява», пролегала среди бескрайних полей, окаймленных посадками, за ними справа тянулась череда меловых гор, у которых в утренней дымке темнели высокие осокори над белеющими в долинах селениями. Потом ландшафт чуть сменился: у горизонта там и сям засинели терриконы, и мотоцикл стал приближаться к металлургическому Алчевску. Несколько уходящих в небо труб когда-то одного из крупнейших в Европе комбината еще дымили, в воздухе чувствовался запах доменного шлака. Вскоре он сменился свежестью рощ и лугов – мотоцикл вымахнул на возвышенность Брянки, за которой на широком просторе раскинулся Стаханов. Миновал окраину, а потом центр с малолюдным базаром, городской с прудом парк и квартал Стройгородок, байкер оказался на другом конце, в Чутино. Когда-то это было основанное еще запорожцами село, а теперь несколько утопающих в зелени улиц, окаймленных сонной речушкой Камышевахой. Со стороны древнего Свято-Николаевского собора звонили к службе.

Подъехав к дому родителей, Сашка заглушил мотоцикл и, прихватив с багажника сумку, направился к воротам, на басовитый лай своего любимца Дозора.

– Ну, будет, будет, – потрепал он его по загривку, войдя во двор, а навстречу уже спешила мать, вытирая о фартук руки.

– А где батя? – расцеловавшись с ней, поинтересовался гость, когда зашли в летнюю кухню.

– В саду. Зови его, будем завтракать.

– Понял, – ответил тот, поставив сумку на табурет, и вместе с Дозором прошел к внутренней калитке.

За ней белели известкой стволы десятка яблонь, слив и груш, а в конце усадьбы, на низкой лавочке рядом с плакучей ивой, у тихо струящейся воды, сутулился отец.

– Здорово, батя! – пожав старику руку, уселся рядом.

– А мы уж тебя заждались, – оживился тот. – Вот, собираю урожай, – кивнул на стоящую рядом корзину с золотистым анисом.

Сашка взял один и смачно захрустел, констатировав «в самый раз», после чего оба закурили.

- Ну, как дела на службе, сынок? – затынулся сигаретой отец.
- Вчера взяли очередную банду. Полные отморозки.
- Да, развелось этой погани кругом. Прямо настоящая война, – вздохнул Иван Петрович.
- Ничего, батя, прорвемся. Там мама зовет завтракать.
- И то дело, – кряхтя, поднялся старый шахтер. – Бери корзину.

На завтрак была жареная картошка с салатом из помидоров с родительского огорода, а к ним банка тушенки «Великая стена» и копченый сыр из гостинцев, доставленных Сашкой.

– Зря потратился, сынок, – сказал Иван Петрович. – У нас с матерью все есть, урожай в этом году неплохой.

- То так, – поддержала его мать, налив сыну чаю.
- По хозяйству надо чего помочь? – прихлебывая его, спросил у отца Сашка.
- Да нет. Все в порядке.
- Ну, тогда я проскочу к Оксане.
- Хорошая дивчина, – посветлела лицом мать. – Сколько лет встречаетесь, пора бы и жениться.

- Точно, пора, – взглянул на сына отец. – А то гляди, бобылем останешься.
- Не останусь, – рассмеялся сын и вышел.

Оксаны, живущей на соседней улице, дома не оказалось, ее бабка сообщила, что внука на работе, и Сашка на мотоцикле пострекотал туда, захватив подарок, янтарное ожерелье, на которое лейтенант копил несколько месяцев со своего жалованья. Проскочив утопавший в зелени Стройгородок, мотоцикл свернул к ЦГБ, расположенной в старом парке, и встал у одного из корпусов.

Взбежав по ступенькам на крыльцо, Шубин потянул на себя стеклянную дверь и оказался в вестибюле с больничными запахами.

– Здравствуйте, тетя Маш, – сказал сидящей за перегородкой пожилой женщине. Та, мелькая спицами, что-то вязала.

– И тебе, Шурик, не хворать, – качнула та сидящими на кончике носа очками. – Ты никак к Оксане Юрьевне? Она на втором этаже, в процедурной.

– Спасибо, – улыбнулся Сашка и шагнул к лестничному маршу.

Найдя на втором этаже нужный кабинет, постучал.

Оксана, в белой шапочке и халате, сидя за столом, что-то писала.

– Ой, Сашка! – обрадовалась она. – Каким ветром?

– Степным, – белозубо рассмеялся гость. – А это тебе, – извлек из кармана и протянул девушке узкий пенал, – подарок.

Та взяла, отодвинула крышку и прошептала:

– Красивое какое, будто солнце...

– Балтийский янтарь, – улыбнулся гость. – По поверью делает владельца красивее. Хотя этого у тебя и так с избытком.

Оксана действительно была красавицей. Среднего роста, с точеной фигуркой и черными очами, как ее тезка из гоголевских «Вечеров близ Диканьки».

– Кстати, – наклонился к столу Сашка, – ты когда заканчиваешь? Есть предложение смотреть на Донец, искупаться.

- В три, – чмокнула его в щеку доктор, проходя к зеркалу, чтобы примерить украшение.
- Саня, ты у меня такой! – обернулась, сияя глазами.
- Ну ладно-ладно, – поднялся со стула ухажер. – Значит, в четыре я у тебя.

Когда полуденная жара спала и со стороны степи повеял ветерок, они с Оксаной неслись в сторону Северского Донца по уходящей среди полей вдаль серой ленте асфальта.

Вдали заблестела река, и мотоцикл свернул на грунтовку.

– Ну, вот тут и станем, – подрулив к роще верб, тянувшихся вдоль песчаного пляжа, заглушил мотор Сашка.

В уши ударила тишина, нарушаемая пением дрожащего в небе жаворонка. Расстелив в тени деревьев плед и сняв одежду, пара с хохотом вбежала в воду. Парень замелькал саженьками вперед, а девушка стала плескаться на мелководье. Накупавшись, с хохотом гонялись друг за другом по песку, Сашка ходил на руках и дурачился, а затем лежали в тени дрожащих листьев и слушали, как в бору считает года кукушка.

Осенью они поженились. Свадьба была скромной, в небольшом кафе. Сослуживцы жениха, приехавшие из Луганска, подарили молодым телевизор «Самсунг» и розового живого поросенка. Вскоре после свадьбы молодая чета сняла комнату в Каменобродском районе областного центра, в доме дальней родственницы Оксаны. Жизнь продолжалась.

Глава 5

Крот

Вольготно раскинувшись в шезлонге на овеваемой легким ветерком террасе, майор Линник потягивал из бокала ледяной «Миллер» и наблюдал закат солнца над Северским Донцом.

Утром он приехал с кураторским визитом из Луганска в Попаснянский отдел СБУ, расположенный в Первомайске, «озадачил» подконтрольных указаниями и полистал дела оперативного учета. Закончив дела, отобедал с начальником по фамилии Пасюк в коммерческом ресторане. По высшему разряду и с «Хеннесси», которому отдавал предпочтение перед другими напитками.

– Командировка, Олег, у меня трое суток, – ковыряясь зубочисткой во рту, сказал радушному подполковнику. – У тебя, в принципе, порядок. Я же, знаешь, немного устал. Организуй мне номер на одной из загородных баз отдыха, а вечером, часов в восемь, навестим нашего клиента.

– Слушаюсь, – изогнул спину Пасюк. А потом тихо спросил: – Номер с хорями?*

– Естественно, – сыто икнул Линник. – Для начала пришли одну. Помоложе, и чтобы хорошо строчила.

И вот теперь, накувыркавшись в прохладном пахнущем соснами номере с девицей (специально выделенный опер увез ее обратно), майор предавался размышлениям о жизни. Она была у Владимира Алексеевича двойная. До развала Союза – и после.

Родившись, как и Шубин, в шахтерской семье, в одном с ним городе и на одной улице, с малых лет в семье Володя получал, однако, совсем иное воспитание.

Его отец – Алексей Линник, родом с Западной Украины, происходил из «заможной» семьи, мужчины которой в годы войны, добровольно вступив в ряды УПА, активно боролись с оружием в руках против Советов и в результате бесславно кончили кто в густых буковинских лесах, а кто в лагерях ГУЛАГа. Тогда еще юному Алексею повезло. В начале июня 41-го он приехал погостить к своей родной тетке Полине, вышедшей замуж за москаля и проживавшей в Чутино, а с началом войны и оккупации немцами Донбасса вынужден был там и остаться. С местными пацанами собирал уголь на терриконах, стрелял из рогатки и ел галок, а еще мечтал вступить в полицию, но опасался появившихся в этих краях партизан.

Когда же Красная армия освободила Луганщину и на службу стали призывать не угнанных в Германию ребят 1925 года рождения, тетка отправила восемнадцатилетнему племяннику метрику, по которой тому было всего шестнадцать. Новые друзья ушли на фронт и в большинстве погибли, а Алексей был определен в трудармию и стал работать подземным слесарем в шахте.

Сразу после войны его тоже призвали (служил в оккупированной Германии), а после демобилизации вернувшись в Донбасс, тайно навестил Буковину. Там от дальней родни узнал, что случилось с его семьей, и быстро уехал назад, от греха подальше.

Советскую власть Алексей никогда не считал своей. Так его учили родители и ксендз. Теперь стал ненавидеть. Но надо было строить свою жизнь при ней, что и стал делать.

Для начала выбился в стахановцы и попал на шахтную Доску почета, будучи неплохим баянистом, принимал участие в художественной самодеятельности, на людях всегда был добр и приветлив. Женился на одной из местных девушек и построил напротив хаты тетки свой дом с обширной усадьбой, в котором вскоре запищали сыновья – старший Александр и младший Володя. Пока были малы, не неволил, а когда пошли в школу, исподволь занялся воспитанием потомков. Рекомендовал поменьше общаться со сверстниками – они, мол, быдло, научат плохому; стал прививать любовь к книгам Ивана Франко и Леси Украинки, а также к старой истории Украины, без москалей и коммунистов. Еще учил поменьше говорить, но больше слушать.

В результате, под разными предлогами, те отказались вступать в комсомол. Отец, однако, скандал замял, а сыновьям наказал в комсомол вступить – желал дать молодым Линникам высшее образование. Но перед этим, сначала одному, а затем другому, рассказал о своих буковинских корнях, героях ОУН-УПА и дал напутствие: всегда помнить, кто они и откуда.

Старший окончил Харьковский авиационный институт и уехал строить самолеты в Ташкент, а Владимир на четвертом курсе Донецкого политеха, попав на практику в Москву, отыскал там своего школьного друга.

Как оказалось, отслужив срочную службу в погранвойсках, тот работал в КГБ, что вызвало при встрече живой интерес друга детства. Когда же приятели чуть выпили и обстановка стала совсем непринужденной, Володя между делом спросил, а нельзя ли и ему устроиться в «контору»? Мол, сам идейный, готовлюсь вступить в КПСС и не прочь стать бойцом невидимого фронта.

– Почему нет? – оценивающе оглядел его Виктор. – Трудно. Но можно попытаться.

И рассказал, как это сделать.

Спустя год «технар» учился в Киевской высшей школе КГБ, готовящей офицеров контрразведки. Окончив ее, получил звание лейтенанта и должность оперуполномоченного в Управлении по Луганской области.

– Молодец, сынок, – сказал по этому поводу старый Линник. – Чую, далеко пойдешь. Но не забывай свои корни.

– Не забуду, отец. Коммунистам, думаю, недолго осталось.

Вскоре Союз рухнул, Владимир продолжил службу в «нэзалэжной» Украине и теперь не скрывал своих взглядов. Кроме того, стал зарабатывать капитал, как все силовики в новом государстве. А проще – крышевать. Тем более что обслуживал в Луганске крупное промышленное предприятие и курировал несколько райотделов СБУ на периферии. На первом за покровительство майор ежемесячно получал от новых хозяев заранее оговоренные суммы; начальники вторых отстегивали куратору за лояльность из своей доли.

Теперь у Линника в Старобельске, куда переехала их семья, был свой, оформленный на жену, бизнес, состоящий из нескольких магазинов, и Владимир планировал обзавестись небольшой фабрикой. Она была в том же городе, принадлежала бывшему директору, а метод был довольно простой: рейдерский захват.

С месяц назад он обратился за содействием в этом вопросе к своему приятелю детства Шубину, служившему в «Беркуте», обещая в случае успеха долю, но тот послал его «на хер» и едва не набил морду.

– Я тебе это еще попомню, сучий потрох. – Вернувшись от размышлений в реальность, майор поставил бокал и взглянул на свою «омегу». Стрелки показывали девятнадцать пятьдесят девять. Послышался тихий шум подъехавшего автомобиля. Хлопнули дверцы, под тяжелыми шагами закрипела лестница, и на террасу взошел Пасюк в бейсболке, темных очках и спортивном костюме «адидас», чем-то похожий на итальянского мафиози.

– Мы готовы, Владимир Алексеевич, можем выдвигаться.

– Хорошо, через пять минут выезжаем.

В номере, сбросив купальный халат, Линник облачился в такой же, как у визитера, прикид и сунул в карман куртки «глок», который всегда брал с собой в командировки. Помимо служебных заданий генерала и его замов, там нередко приходилось выполнять их личные. Ибо начальство имело свои коммерческие интересы, но, в отличие от подчиненных, на всей территории области. В этот раз предстояло разобраться с владельцем Мирнодолинского завода, находившегося в поселке Тошковка.

Треть акций завода, выпускающего промышленное оборудование, оформленных на подставное лицо, принадлежали одному из руководителей областной СБУ (непосредственному начальнику майора), и тот желал получать более высокие дивиденды. Линнику поручили

решить этот вопрос, используя оперативные возможности. Часть его, еще до выезда, майор решил, и теперь похищенный «неизвестными» из своего коттеджа в Первомайске главный акционер предприятия четвертые сутки томился в подвале на заброшенном хуторе в лесной балке. Первомайская милиция вместе с райотделом СБУ вела розыск коммерсанта, но безрезультатно.

Черный «ренджровер» с тонированными стеклами, в котором, кроме Пасюка с Линником, находились два оперативника, вырулил с территории пансионата и, оставив позади сосновый бор, запыллил по степному шляху меж полей, в сторону села Нижнее. В паре километров от него свернул на едва приметную дорогу и, юля из стороны в сторону, спустился в поросшую вербами прохладную долину. Там, в зарослях лещины, виднелись остатки каменного дома.

– Приехали, – остановил машину сидевший за рулем подполковник, все вышли и по густой траве направились к жилищу.

– Давайте его сюда, – остановившись рядом, приказал начальник операм.

Те скрылись внутри, а затем появились, ведя похищенного в наручниках и с завязанными глазами.

– Слушай меня внимательно, – сказал Линник, когда тройка остановилась в двух шагах, а человек, втянув голову в плечи, испуганно всхлипнул. – Пан Коцюба (так звали подставного) желает иметь на тридцать процентов больше прибыли по своим акциям. Ты меня понял?

– П-понял.

– Завтра тебя найдут менты с эсбэушниками, – продолжил майор и подмигнул коллеге. – Но им о нашем разговоре ни гугу. Ясно?

– Да, – часто закивал пленник.

– Скажешь, что тебя похитили какие-то отморозки и требовали выкуп. Ну а если сболтнешь лишнее, тебя убьют.

– Не надо... – зарыдал толстяк, обвиснув в сильных руках, а на его штанах расплылось пятно. – Я все, все сделаю!

– Давайте его назад, – брезгливо поморщился Линник, а когда вихляющаяся тройка удалилась, бросил Пасюку: – Пошли к машине.

Когда в мерцании первых звезд пыльный «ренджровер» въехал на территорию дома отдыха, их встретил хозяин, приставленный к областному гостю.

– Для вас завтра выходной, – сказал операм начальник, и те потопали к припаркованному на стоянке «форду».

Хозяин же, по имени Вилорий, средних лет ражий детина, провел офицеров в свой личный блок, где те приняли душ Шарко, и потом повел в зал для почетных персон работавшего до утра ресторана. Оттуда слышалась разухабистая музыка и смех отдыхающих; с открытой веранды в небо то и дело взмывали, с треском лопаясь, фейерверки.

– М-да, прямо праздник жизни, – поцокал языком майор. – Красиво отдыхают.

– Сегодня День торгового работника, – расплылся в улыбке хозяин. – Это наши и из соседних районов бизнесмены.

Удобно расположившись в кожаных креслах гостевого зала, передняя стена которого, выполненная из прозрачного стекла, отражала звездный купол неба и сонную реку, полковник с майором с удовольствием оглядывали горячительное и холодные закуски, а Вилорий отдавал распоряжение нарисовавшейся рядом смазливой, с ногами от плеч, официантке.

– Ну что, приступим? – потянулся он волосатой лапой за бутылкой шотландского виски «Лох-Несс», когда та упорхнула.

– Можешь, – накладывая на тарелку Линника черную икру, кивнул подполковник.

Бокалы наполнили, и куратор произнес тост:

– За коммерцию и хозяина!

Утолив первый голод, выпили по второй – за процветание Украины, а вдогонку по третьей. Чтоб муха не пролетела. Появились две официантки – с судком стерляжьей ухи и нанизанными на шампуры шашлыками.

– Под них лучше водку, – потянул из ведерка со льдом запотевший «Абсолют» Вилорий и наполнил припасенные для него стаканы. – Ну, будьмо! – поочередно чокнулся с гостями.

Те неспешно высосали их до дна, побурев мордами, крякнули и навалились на уху, мыча от удовольствия. Что было после, Линник помнил смутно. Урывками в сознании всплывала длинноногая официантка, с которой пил на брудершафт, а затем трахался в смежной комнате; блюющий Пасюк, которого они с Вилорием тащили в туалет; и совсем уж странная сцена, когда он таскал хозяина за ворот и орал: «Убью, Ленин!»

Спустя сутки, отметив командировку, майор возвращался назад. Под колесами его «той-оты» ровно гудел Бахмутский шлях, магнитола томно пела голосом Челентано.

Глава 6

Щэ нэ вмэрла Украина

По Крещатику, залитому морем огня, шло факельное шествие. В первых рядах, вместе со священниками-иезуитами и дивчатами, несущими портрет «гэроя нации» Бандеры, двигались ветераны УПА в кашкетах с трезубцами, молодые, с горящими глазами активисты из «Свободы»*, а также многочисленная киевская интеллигенция со студентами и люмпенами, над головой которых реяли черно-красные знамена. Нэзалэжна с размахом отмечала столетие со дня рождения Степана Бандеры. Время от времени активисты с мегафонами и повязками на рукавах металлически гавкали «Слава Украине!», а толпа ревела в ответ «Гэроям слава!!!». Отлитый в бронзе Богдан Хмельницкий на коне апокалиптически отсвечивал в языках пламени; в окнах домов, за которыми угадывались обыватели, испуганно дрожали стекла.

– Гарно маршэруем! – сказал, кульгая на одну ногу, изрядно постаревший Деркач, в пошитой по такому случаю форме УПА, шагающему рядом с ним с факелом в руке заматеревшему внуку.

– Щэ б комуняк з жидамы на фонарях и було б зовсим файно!

– Будуть и комуняки, дидусь, – водил по сторонам налитыми кровью глазами Василь. – Мы теперь сила!

На майдане, в старину именовавшемся Козым болотом, начался шабаш. С высокой трибуны, скаля по-волчьи зубы, к присутствующим обратился теперь уже лидер фракции неонацистов в Раде Олег Тягнибок, которого встретили овациями.

– Они, – кивнул на портрет Бандеры, а потом ткнул пальцем в стоящих внизу в первых рядах старых бандеровцев, – не боялись, так и мы сейчас не должны бояться! Они взяли автомат на шею и пошли в те леса! Они готовились и боролись с москалями, боролись с немцами, боролись с жидвой и с другой нечистью, которая хотела забрать у нас наше украинское государство! Нужно отдать Украину, наконец, украинцам. Эти молодые люди, и вы, седоголовые, – обвел рукою возбужденную толпу, – это есть та смесь, которой больше всего боится москальско-жидовская мафия, которая сегодня руководит в Украине!!!

– А-а-а!.. Смэрть им!! Усих на ножи!!! – задрожал от дикого рева воздух на майдане.

После него в том же духе выступили дряхлый, увешанный оловянными медалями ветеран УПА, специально приехавший из Канады сын Бандеры, молодые нацисты, а также представители киевской элиты и интеллигенции.

– Что же это такое, Марек? – спросила мужа, стоящего рядом с ней у окна ближайшего к майдану дома, взволнованная старушка.

– Это новый фашизм, Циля, – вздохнул ветеран войны, полковник.

– И снова будет Бабий Яр?

– Для нас – нет, – сжал он губы. – Первых, кто придет, застрелю как собак из наградного пистолета.

Когда мероприятие завершилось, лучшие представители нации стали расходиться. Одни – политики и киевская власть, – усевшись в черные блестящие лимузины, отправились на праздничный банкет в мэрию, заказанный по такому случаю, другие сели в автобусы, специально привезшие их на мероприятие, а студенты с люмпенами стали пить у колонны Березини* и в подворотнях «за здоровье» специально доставленную паленую водку.

Погрузившись в арендованный «Мерседес-Бенц», ровенская делегация во главе с губернатором и его свитой к утру с комфортом добралась до областного центра. Там до обеда отдохнули, а потом отправились в местный костел помолиться за юбиляра. Западные области решили обратиться к папе римскому в Ватикан, дабы тот причислил Степану Бандеру к лику святых. И в этом была нужна божья помощь. Помолились и тоже отправились на банкет, по

примеру киевских коллег. Там старые «гэрои» быстро набрались и были скоренько развезены по домам, а молодые продолжили – с пламенными речами и изрядными возлияниями. Столы ломились от крымского коньяка, «Немирова» с перцем, артемовского шампанского и всяческих кулинарных «вытребенок», которыми была еще богата «нэзалэжна».

Расположившийся справа от губернатора Васыль (он теперь занимал при нем должность помощника по идеологии) сально улыбался одной из симпатичных пань – жене спонсировавшего «Правый сектор» ровенского капиталиста. Тот был уже сильно пьян и канючил у городского головы престижный участок под застройку элитными коттеджами.

– Нэ дам, – стукался тот лбом в лоб просителя. И все начиналось сначала.

В очередной раз послав скупающей даме ослепительную улыбку, «идеолог» едва заметно кивнул на примыкавший к банкетному залу коридор, на что та смежила ресницы. Деркач встал и неверными шагами направился в одну из комнат отдыха. Через несколько минут там же была жена капиталиста, он провернул дверную задвижку, а пани, прошептав «скориш», задрала на пышных бедрах мини-юбку.

– Моя ты цыпа, – расстегнув штаны, пристроился Васыль сзади.

Когда упревший и довольный он вернулся в зал, там ничего не изменилось, разве что голова с просителем договорились и теперь, обнявшись, сипло тянули «ридно нэнька моя!», а прокурор с начальником УВД тягали друг друга за галстуки, выясняя, кто главнее.

– Панэ провиднык! – привлек его внимание сидящий напротив один из побуревших молодых соратников.

– Ну, – тяжело уставился на него идеолог.

– Дозвольтэ уночи розбыты дэкилька памятникив жидам на цвинтари*. У чэсть батька Бандэры.

– Дозволяю, – чуть замаявшись, Деркач покосился на прокурора.

Тот спал, уронив в тарелку голову, а его недавний оппонент тужился поблєвать. Но не успел, официанты потащили генерала в туалет, почтительно глядя на лампасы.

Наутро город зашумел. На одном из кладбищ был разбит десяток еврейских памятников, а остальные помечены свастикой. Одни возмущались святотатством, другие, таких было большинство, помалкивали, а молодежь заговорщически переглядывалась.

Теперь в Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской и других областях националисты действовали практически открыто. Как грибы-поганки, на центральных площадях и в городских скверах росли памятники Бандере и Коновальцу, организовывались шествия и демонстрации, разжигалась ненависть к России. Не ограничиваясь этим, «Свобода» и производные от нее «Тризубы», «Оболони» и «Братства» принялись формировать и готовить боевые отряды. Во многих западных областях Украины, в бывших пионерских лагерях с турбазами, которые любезно предоставляла местная власть, они организовали «культурный отдых», на который потоками отправляли молодежь, воспитанную в духе национализма. Там исходный материал уже ждали инструкторы, прошедшие Чечню, Северную Осетию или Приднестровье, – передавали опыт.

Солнечным июньским утром Васыль Деркач как куратор УНА-УНСО по Ровенской области отправился навестить очередной поток курсантов-земляков, обучавшихся в одном таком лагере под Костоподем. Впереди на служебном джипе следовал сам куратор с шофером, позади жужжал двигателем грузовой «Богдан»* с данью от местных спонсоров. Настроение у пана Деркача было приподнятое, и он с удовольствием слушал гремящие из колонок магнитолы браваурные марши Третьего рейха. Они весьма почитались в УНА-УНСО. Там чтили и помнили своих хозяев.

– Да, – думал кэривык, в такт притопывая ногою, – еще чуть-чуть, и, возможно, его переведут в Киев, на более ответственную работу. К тому были причины.

Его львовские знакомцы по институтам Тягнибок с Парубием давно обретались в столице при должностях и помнили заслуги Василя, которых у того было немало. К передаче оружия со взрывчаткой организации (дед исполнил свое обещание) и созданию первой боевой ячейки в Ровно добавились еще две «акции»*. Пару лет назад, в канун Дня Победы, он вместе с двумя подручными, по наущению старого Деркача, до смерти забил в квартире ветерана Великой Отечественной войны (преступников местные милиционеры не нашли), затем организовал поджог еврейской синагоги в Остроге...

Как только свернули на ответвление, впереди возник шлагбаум, а за ним два хлопца в камуфляже. Один быстро его поднял, а второй, с рацией на груди, вскинул вверх от груди руку. Деркач начальственно кивнул, и машины двинулись в сторону бора. Через несколько минут они въехали в его пахнущую хвоей прохладу и свернули на грунтовку, за которой синело озеро. На дальнем берегу виднелись постройки лагеря. На площадке со спортивными снарядами группа раздетых до пояса парней отрабатывала приемы рукопашного боя, за ними бдительно следил расхаживающий рядом инструктор в темных очках, шортах и пятнистой майке. Гостей в лагере уже ждали.

Въехавшие в ворота с растянутым сверху транспарантом «Наша влада повинна бути страшною!» автомобили подкатали к главному корпусу, с его ступеней навстречу вальяжно спустился один из руководителей курсов – здоровенный мордоворот, известный в Ровно по кличке Сашко Билый. Его родной дядя в годы войны являлся бойцом УПА, и племянник достойно продолжал «святое дело».

В начале 90-х он воевал в Чечне против комуняк, исполняя обязанности палача при Дудачеве и отрезая русским солдатам головы, а вернувшись на родину, занялся бандитизмом. Отсидев за это три года, Сашко еще больше проникся идеями борьбы, вступил в УНА-УНСО и в свободное от криминала время передавал свой геройский опыт молодым.

Оба проводника – идейный и «бойовой» – почоломкались, выдав при этом обязательную «Слава!», приехавшие с Деркачем активисты стали разгружать машину, таская коробки с мешками в склад, а начальники поднялись в кабинет Музычки.

– Як йдэ обучение, Сашко? – поинтересовался идейный вождь, удобно разместившись у приставного стола в кресле.

– Усэ гаразд, – уселся тот в свое, над которым на стене красовался портрет гауптштурмфюрера СС Романа Шухевича.

Чуть позже Музычко с одним из инструкторов демонстрировал гостю учебную подготовку. Одни курсанты, сидя в специально оборудованном классе, осваивали взрывное дело; другие – в тени под навесом занимались сборкой и разборкой автоматов с карабинами; из дальнего карьера за лагерем доносилась едва слышная пальба – там шла стрелковая подготовка.

После обеда, состоявшего из наваристого борща с пампушками, котлет и абрикосового компота, Музычко пригласил Деркача в сауну, расположенную за главным корпусом. Хорошо напарившись с березовыми вениками и освежившись в бассейне с холодной водой, они перешли в гостевую комнату, с висящей на стене кабаньей головой и стильной мебелью, где их уже ждала четверть горилки с закуской и холодная «Оболонь» в бутылках. Первые тосты, как водится, были «за нэньку Украины и ее гэроив», затем пили за все прочее.

– Хочэш, розповим як я воював в Чечни з комуняками? – набравшись, заявил Музычко собутыльнику.

– Эгэ ж, – пьяно икнул тот. – Хбчу.

И началось повествование о том, как храбрый «вояк» десятками жег на Кавказе русские танки с бэтэрами, лично разгонял батальоны москалей и сбивал из «стингеров» их самолеты.

– За цэ мэнэ сам Джохар, – поднял Сашко вверх палец, – нагородив орденом «Честь нации», та назвав моим ім'ям вулицю у Грозном.

– Дай я тэбэ розцилую, дружэ, – расчувствовался Деркач, потянувшись к нему сальными губами.

– А щэ я там показав, хто таки бандэри́вци, – утер щеку Музычко. – Торощыв полонэным москалям пальци плоскогубцямы, выколював очи штыком и видри́зав головы.

– А головы нави́що? – мутно уставился на него идеолог.

– Щоб граты у футбол, – подмигнул ему Музычко и хрипло рассмеялся.

– Ото гэ́рой! – восхищенно поцокал языком Деркач и набулькал в стаканы горилки. – Будьмо!

Глава 7

Крестник

Хрясь! – врезался Сереге в челюсть кулак и смел его со стула, привинченного к полу «допросного» кабинета.

– Вставай, братан, – цапнула за ворот рубашки крепкая рука, снова водружая на место.

– Ну, так что, Ионаш, так и будем играть в молчанку? – последовал вопрос из-за слепящей глаза стоящей на столе лампы.

– Мне нечего сказать, – просипел Серега. Хэк! – рубанул его сбоку ребром ладони по шее сопящий сзади опер, в глазах поплыли радужные круги, и парень отключился.

Сидевший за столом следователь дакнул кнопку под столешницей, через секунду железная дверь с лязгом отворилась, и в ее проеме возник хмурый сержант в камуфляже.

– В пятую его, – ткнул пальцем в валяющегося на полу Серегу следователь. – Пусть на досуге подумает.

– Слухаюсь, – пробубнил сержант, и они вместе с опером выволокли бесчувственное тело из допросной.

Очнулся Серега на холодном бетоне камеры и со стоном вполз на деревянный настил – шконку.

Пощупал пальцами зубы (те ныли, но были целы), высморкнул из ноздрей на пол студенистую кровь, осмотрелся. Судя по виду, это была одиночка. Размером примерно два метра на три, с бетонным очком параша в углу, жестяной раковиной с медным краном рядом, забранной сеткой тускло горящим плафоном на низком потолке и небольшим, с решеткой, окошком. Кряхтя, Серега встал, прошаркал кроссовками без шнурков к раковине и, отвернув кран, долго пил холодную, воняющую хлоркой воду. Потом ополоснул распухшее лицо, утерев его рукавом, вернулся назад, улегся на бок и забылся тяжелым сном, подтянув ноги к подбородку.

Где-то загремел гром, и Серега проснулся.

– Завтрак! – гавкнули из окошка откинутой внутрь из двери кормушки, и на нее брякнула алюминиевая кружка с пайкой черняшки.

Сиделец, морщась, встал, взял завтрак, – кормушка закрылась. Хлеб он есть не стал (тупо ныла челюсть), а пахнувший соломой горячий чай выхлебал с удовольствием. Где-то за дверью в коридоре СИЗО чуть слышалась музыка, за пыльным окошком камеры просматривался пятючок неба. Сереге стало тоскливо, и его взгляд заблуждал по стенам, а потом остановился. Они все были в надписях, и довольно интересных. «Федорков – козел» выцарапал кто-то твердой рукой. «Здесь сидел Пистон» – сообщала другая, выполненная крупными каракулями, «Смерть активу и ментам!» – гласила третья.

Начальника стахановского угрозыска майора Федоркова Серега видел пару раз, братва дала ему кличку Гнус, поскольку брал взятки, крышевал и беспредельничал. Пистон был известный в округе вор и наркоман, не так давно убитый донецкой бригадой в Алчевске. Еще на стене был неприличный стишок и искусно выполненный рисунок голой девки, а справа от окошка полоснула по сердцу надпись «Прости, мама», выполненная затейливой вязью.

В этой жизни Серега Ионаш мало кого любил. Разве что мать и дядю. Через пару лет после его рождения великая страна канула в Лету, а когда мальчишке исполнилось семь лет, при обвале в шахте погиб отец, и их семья, в которой была младшая сестренка, стала бедствовать. Зарплаты, которую получала работающая бухгалтером горно мать, не хватало. Родня помогала как могла, но у самих тоже было негусто. Выручал дядя. В один из своих приездов спустя несколько месяцев после гибели отца он устроил мать экономистом на фабрику, а крестника определил в городскую ДЮСШ – в секцию бокса. А еще подарил пневматическую винтовку и преподавал первый урок стрельбы, сказав при этом:

– Хорошо учись и занимайся спортом, Сергей. В этой жизни надо быть мужчиной и бойцом.

Что мальчишка хорошо запомнил. В боксе он особых успехов не достиг, хотя к окончанию школы имел первый разряд, а вот стрелять из винтовки научился отменно, и это впоследствии здорово пригодилось. Тогда дядя уже служил в Клеве и обещал племяннику помочь поступить в Высшую школу милиции.

– А меня возьмут? – с надеждой спросил Серега.

– Все в твоих руках. Но нужно пройти армию.

После года службы в бригаде ВДВ под Днепропетровском сержант Ионаш стал классным снайпером и утвердился в желании поступить в спецназ, как дядя, но после демобилизации крупно «влип», что в корне изменило жизнь парня. Тем майским вечером, спустя сутки после возвращения домой, друзья уговорили десантника отметить это событие в одном из городских ресторанов с традиционным названием «Донбасс». Заняв столик в главном зале и сделав заказ, для начала выпили за Серегино возвращение, потом за дружбу, – и потек душевный разговор: парни все были серьезные. Тем временем посетителей в заведении становилось все больше, они приходили парами и компаниями, над столами потек сигаретный дым, бодрее забегали официанты. В углу зала на таблетке эстрады возникла тройка лабухов с электроинструментами, выдав для поднятия тонуса гостей пару заводных песен. Они были встречены на ура, воодушевленные музыканты заиграли ламбаду, и несколько молодых пар заколыхались в бодром танце.

– Хорошо сидим! – проорал сквозь гром эстрады самый старший из Серегиных друзей, Юрка Шабельник, в очередной раз наполняя бокалы.

Примерно через час, когда музыканты сделали перерыв, в зале появилась еще одна компания из трех вальяжных парней с девицами, броско одетых и самоуверенных. Встреченная самим директором, группка продефилировала к соседнему с ребятами столу.

– Золотая молодежь, – бросил Юрка на вопросительный взгляд Сереги. – У всех предки нехилые бизнесмены.

– Ясно, – ответил Ионаш.

Прибывшие шумно расположились за столом, быстро накрытым официантами, и стали весело отмечать какое-то событие. То и дело кто-нибудь из парней громко оглашал тост, а девицы весело хохотали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.